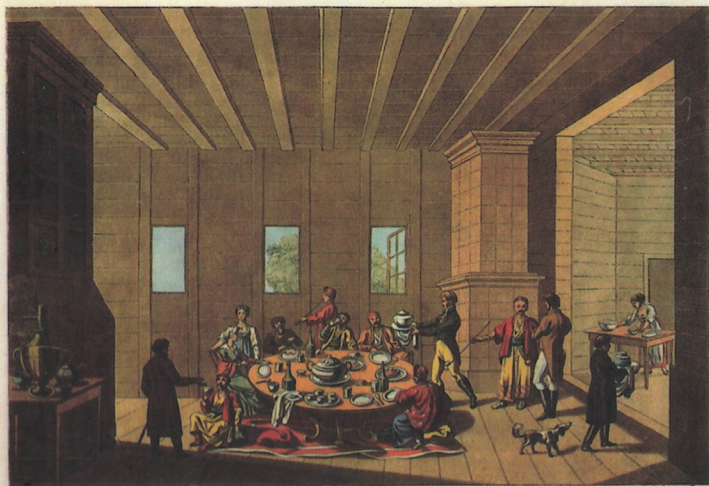

Н. А. Самойлов

РОССИЯ И КИТАЙ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ТЕНДЕНЦИИ, ФОРМЫ И СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Собрание Китайских и Японских Купцов у Китайского Посольства.
2 Représentement des Marchands Chinois et Japonais chez le Consulat de Kinkia.*

ББК 71
С71

Рецензенты: д-р ист. наук, академик РАН В. С. Мясников,
д-р ист. наук Б. Н. Мельниченко (СПбГУ)

*Печатается по постановлению
Научной комиссии Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Самойлов Н. А.

С71 Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. — 368 с.
ISBN 978-5-288-05525-6

Монография Н. А. Самойлова посвящена изучению основных этапов и характерных черт истории взаимоотношений России и Китая в XVII — начале XX в. на основе разработанной автором концепции социокультурного взаимодействия. В книге собран большой фактический материал, представлены теоретико-методологические подходы к изучению процесса социокультурного взаимодействия России и Китая и впервые сформулирована научно обоснованная периодизация этого процесса. Автор выявляет существенные особенности взаимодействия российского и китайского социумов в континууме их исторического развития, определяет основные тенденции, формы и стадии этого взаимодействия, анализирует наиболее важные явления в сфере социально-экономических, культурных и научных связей.

Книга предназначена для востоковедов, историков и всех, кто интересуется историей взаимоотношений России со странами Азии.

ББК 71

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке Института Конфуция
в Санкт-Петербургском государственном университете*

ISBN 978-5-288-05525-6

© Н. А. Самойлов, 2014
© С.-Петербургский
государственный
университет, 2014

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1. Междисциплинарность как основа современных исторических исследований

Вся история человечества представляет собой непрекращающийся процесс взаимодействия и взаимовлияния различных социумов и культур. Содержание, характер и специфические особенности данного процесса в пространственно-временном континууме изучают представители разных гуманитарных наук, применяя для этого собственную методологию и конкретные методы исследования. Специалистов в области международных отношений прежде всего интересуют межгосударственные взаимоотношения, экономистов — торгово-экономические связи, культурологов — проблемы диалога культур. Что касается востоковедов, то они чаще всего стараются изучать указанные процессы в интегральной форме, не только используя методологические подходы, предлагаемые другими науками, но и выработывая собственную парадигму научного исследования.

В последние десятилетия XX в. наметились принципиально новые тенденции в развитии мировой исторической науки, которые теснейшим образом связаны как с переосмыслением традиционных подходов, так и с переходом исторических исследований с макроуровня на микроуровень. Характерными чертами этих существенных перемен стали «антропологизация» исторической науки и поворот в сторону междисциплинарности. Все большее внимание историки уделяют изучению повседневного взаимодействия социальных групп и социокультурных объединений, а также отдельных индивидуумов, пред-

ставляющих различные этносы и культуры в соответствующие исторические эпохи. Исследователей привлекает изучение традиционного быта, обыденного сознания, моделей поведения человека, психологических установок и стереотипов взаимовосприятия, что говорит о все более пристальном внимании историков к процессам социокультурного порядка.

Таким образом, «атропологический поворот» в историографии, представляет собой перенесение центра тяжести с исследований истории созданных человеком общественно-политических институтов и их функционирования на изучение непосредственного участия человека в историческом творчестве и его места в пространственно-временном континууме исторического развития. Можно сказать, что историков сегодня интересуют не только отношения между государствами, но и отношения между людьми.

Расширение сферы исторических исследований в условиях антропологизации историографии, а также появление своего рода «дочерних» исторических дисциплин (например, исторической имагологии), безусловно, создает основу для еще более широкого и активного междисциплинарного синтеза. Современная историография интенсивно заимствует и творчески использует приемы и методологию других наук: культурной антропологии, социологии, филологии, психологии, экономики, математики и др., а также достижения в области инновационных технологий.

Можно согласиться с Л. П. Репиной — одним из ведущих специалистов в области теории исторической науки, которая в своей книге, посвященной состоянию исторического знания на рубеже XX и XXI вв., отмечает, что «для многих участников дискуссий становится очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления последствий пройденных современными историко-гуманитарными науками «методологических поворотов», без создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне»¹. Она же указывает на то, что «четко обозначившийся на заре тысячелетия парадигмальный сдвиг способен вернуть истории веками принадлежавшее ей центральное место в культуре любой эпохи»².

Востоковедение с самого начала своего существования представляло собой комплексную науку, основанную на междисциплинарном синтезе и творчески инкорпорировавшую приемы и методы различных гуманитарных, а порой и естественных и точных наук. «Антропологический поворот» в современной историографии, оли-

цветворяющий активную форму междисциплинарного синтеза, не только открывает широкий простор для появления новых востоковедно-исторических исследований, а также концепций, возникающих на стыке востоковедения и сопредельных наук, но и дает неоценимый шанс востоковедению в целом расширить свою методологическую базу, не утратив при этом традиционной классической основы.

Таким образом, междисциплинарные исторические исследования на современном этапе активно входят в число магистральных направлений современной исторической науки, а востоковедно-исторические работы требуют применения новых междисциплинарных методов.

В связи с этим можно с полным основанием поддержать утверждение Л. П. Репиной о том, что важнейшим признаком развития исторического знания в начале XXI в. можно считать переход от кризиса исторической науки конца прошлого столетия к *интердисциплинарности, кросс-дисциплинарности и мультидисциплинарным исследованиям*³.

Изучение процессов социокультурного взаимодействия России и Китая требует от историка-востоковеда применения именно этих методов научного исследования.

1.2. Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса

История отношений России и Китая на протяжении длительного времени привлекает внимание исследователей. В предшествующий период эта проблематика в основном рассматривалась в русле тех парадигм и схем, которые предлагались специалистами в области международных отношений. Однако в последнее время китаеведов все больше начинает привлекать история взаимодействия двух стран и народов в социальной и культурной сфере, что можно определить термином «социокультурное взаимодействие»⁴.

К настоящему времени накоплен определенный историографический материал, позволяющий говорить о том, что подобные исследования, охватывающие сферы экономики, культуры и так называемой «народной дипломатии», набирают силу. Вопрос о необходимости более тщательного изучения «истории мирных взаимодействий России со странами Востока» на широком фактическом материале был по сути впервые поставлен авторами опубликованной в 2000 г. монографии «Россия и Восток»⁵. Эта книга, подготовленная коллективом препода-

вателей Восточного факультета СПбГУ стала первой в ряду комплексных исследований по истории «социокультурных коммуникаций на огромном евразийском пространстве»⁶. Данная проблематика, уже с упором на место России в социокультурном взаимодействии с азиатскими соседями, была развита в последующем издании, в основу которого также легли фундаментальные исследования востоковедов Санкт-Петербургского университета⁷.

Целью третьей работы из этого цикла монографий, названной «Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время»⁸, стало выведение исследований по истории взаимодействия России и стран Азии и Африки на новую теоретико-методологическую основу путем рассмотрения исторического опыта межкультурного взаимодействия России и стран Востока в историко-географическом и социокультурном континууме на основе привлечения широкого круга отечественных и зарубежных (в том числе восточных) источников и критического анализа имеющихся научных исследований.

Авторы данной монографии смогли осуществить комплексный анализ проблем феноменологии культурно-исторической идентификации России и Востока как двух обширных, тесно взаимодействующих и взаимопроникающих цивилизационных начал в пределах «Старого Света». Для решения поставленных научных задач был привлечен обширный материал из библиотечных и архивных собраний России и зарубежья. Авторами было предпринято рассмотрение и решение нескольких принципиально важных в научно-теоретическом и практическом отношении задач: исследование особенностей эволюции политических и культурных связей России со странами Азии и Африки в Новое время; изучение основных этапов и тенденций политического, дипломатического и военного взаимодействия России со странами Азии и Африки в XX в; определение характерных черт социокультурного взаимодействия народов России и Востока; рассмотрение особенностей культурной политики и духовного влияния России в странах Азии и Африки в Новое время.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на современном этапе востоковеды все более активно включаются в изучение проблем социокультурного взаимодействия России и стран Азии и Африки. Однако первые работы такого плана появились гораздо раньше, хотя и основывались в то время на иных методологических постулатах. В связи с этим уместно вспомнить фундаментальную монографию профессора Восточного факультета ЛГУ Е.Я. Люстерник

«Российско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в.»⁹, которую можно по праву считать одной из первых отечественных работ по проблемам взаимодействия России со странами Востока в социокультурной сфере.

В отечественном китаеведении к настоящему времени написано немало трудов, рассматривающих историю взаимоотношений России и Китая в различные исторические периоды. Многие из этих работ стали поистине классикой данного направления в историографии (исследования Б. А. Романова, Б. Г. Курца, Г. В. Ефимова, А. Л. Нарочницкого)¹⁰. Однако в основном они были посвящены истории межгосударственных отношений, в них рассматривались прежде всего проблемы политического, дипломатического, идеологического характера. Отдельно следует отметить монографию М. И. Сладковского «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)», посвященную отношениям России и Цинской империи в сфере торговли¹¹. Исследований монографического характера по истории социокультурного взаимодействия России и Китая до сих пор не было.

Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что к настоящему времени в отечественном китаеведении существуют фундаментальные научные исследования, которые могут служить методологической основой для создания новой парадигмы истории социокультурного взаимодействия. В первую очередь это труды академика РАН С. Л. Тихвинского. Его многочисленные исследования вносят огромный вклад не только в изучение Китая, но и в становление парадигмальных установок современной отечественной исторической науки в целом.

Вполне можно согласиться с утверждением востоковеда С. Г. Лузянина о том, что С. Л. Тихвинский «предлагает некую культурно-цивилизационную парадигму развития человечества за прошедшие триста лет», органично сочетающую в себе: 1) принцип историзма (взгляд на XX в. через базовые явления прошедших трех столетий) и 2) принцип многомерности, плюрализма и взаимозависимости мира¹². С. Г. Лузянин обращает внимание на то, что методология С. Л. Тихвинского «позволяет выйти на структурный анализ таких сложных и неоднозначных проблем, как вызовы глобализации и устойчивого развития; культура в узком (прикладном) смысле и широко (международно-политическом) контексте; соотношение революций и реформ; локальная, региональная и глобальная неравномерность развития»¹³.

К этим абсолютно правильным утверждениям, по нашему мнению, следует добавить то, что концепции и идеи, сформулированные в работах С.Л.Тихвинского по истории и международным отношениям Китая¹⁴, могут представлять собой методологическую основу изучения истории китайской внешней политики с совершенно новых концептуально-теоретических позиций. В своих исследованиях С.Л.Тихвинскому удалось охватить практически всю историю Китая, демонстрируя восприятие характерных черт развития китайской цивилизации как единого целого, и объяснить многие цивилизационные основы внутренней жизни Китая и развития общественной мысли в этой стране в Новое время. Он также исследовал специфические особенности китайской внешней политики в неразрывной связи с ее традиционными истоками и историческими корнями. В работах С.Л.Тихвинского отчетливо прослеживается стремление показать неразрывную связь социально-экономических и социально-политических процессов, развивавшихся на протяжении истории Китая, с культурной составляющей исторического развития этой страны, а также их влияние на взаимодействие Китая с другими народами.

В этом отношении очень убедительно звучит еще одно утверждение С.Г.Лузянина, который отмечает, что «методология С.Л.Тихвинского — это одна из удачных современных версий философского восприятия мира через его многообразие и апробацию критериев, выверенных историческим временем»¹⁵.

Второй методологической составляющей современных отечественных исследований по истории российско-китайских отношений следует признать труды академика РАН В.С.Мясникова¹⁶. В своих исследованиях он не только представил подробный научный анализ широкого спектра вопросов, связанных с отдельными этапами истории отношений России и Китая, но и предложил целый ряд методологических подходов для их изучения. Наиболее известной из предложенных им методологических концепций следует считать идею о том, что на внешнюю политику Китая сильнейшее влияние оказывал стратегический подход. Данная теоретическая разработка академика В.С.Мясникова — наиболее известная и активно используемая молодыми учеными-китаеведами методологическая формула.

Однако, на наш взгляд, вклад академика В.С.Мясникова в развитие методологии изучения внешней политики Китая и российско-китайских отношений этим далеко не ограничивается. Именно он впервые обратил внимание на принципиально важную проблему типологии взаимосвязей России и Китая, отметив, что «при установлении

отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате, взаимодействие сторон формировалось как вектор развития, получилась третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов»¹⁷. Очень важным в методологическом отношении следует признать и его вывод о том, что «взаимодействие России и Китая по формационным характеристикам относится к однотипному, а по цивилизационным — к смешанному виду межгосударственных связей»¹⁸. Таким образом, В. С. Мясников в своих научных исследованиях заложил целый ряд парадигмальных и методологических основ изучения истории социокультурного взаимодействия России и Китая, внеся необходимую конкретно-историческую составляющую в теоретические разработки социологов и культурологов. Показательно, что свои научно-теоретические подходы, сформулированные на основе изучения исторического материала, академик В. С. Мясников активно и творчески применяет к анализу современного состояния российско-китайских отношений и внешней политики Китая в целом¹⁹, что очень четко прослеживается в двухтомнике его трудов «Квадратура китайского круга»²⁰ и ряде работ публицистического характера²¹.

В 1999 г. увидела свет монография А. Д. Воскресенского «Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений», ставшая заметным явлением в деле разработки современной методологии изучения российско-китайских отношений. Автор в начале своего исследования справедливо отмечает, что «некоторые моменты российско-китайских отношений повторялись и, возможно, будут повторяться в будущем».²² Вместе с тем, по его мнению, «до сих пор не появилось практически ни одного труда, в котором... содержался бы комплексный анализ всей истории российско-китайского взаимодействия»²³. В связи с этим А. Д. Воскресенский высказал важное суждение о том, что сегодня перед китаеоведами стоит актуальная задача расширения методологии исследований по истории российско-китайских отношений и применения новых подходов и методов изучения связанных с этим вопросов.

В своей монографии А. Д. Воскресенский теоретически разработал концепцию *многофакторного равновесия*, поставленную во главу угла сконструированной им парадигмы. По мнению автора, данная концепция позволяет проводить анализ динамики и преемственности межгосударственных отношений в исторической перспективе. А. Д. Воскресенский отмечает, что «предлагаемый концептуальный

подход дает возможность пронаблюдать взаимную динамику различных факторов в исторической перспективе, а следовательно, увязать прошлое и настоящее, что чрезвычайно трудно сделать в чисто историческом исследовании»²⁴.

А. Д. Воскресенский сумел переосмыслить многие существенные вопросы различных периодов истории взаимоотношений России и Китая и на основе анализа имеющихся исторических фактов интерпретировал историю отношений двух стран на основе предложенного им нового научного инструментария. На наш взгляд, данная книга и последующие труды этого автора стали важным этапом в становлении методологических основ политологического подхода к изучению российско-китайских отношений. Основные положения своей теории А. Д. Воскресенский развил в дальнейшем в монографии «Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний»²⁵.

В 2003 г. вышла в свет книга благовещенского китаевода О. А. Тимофеева «Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.)»²⁶, в которой этот исследователь подробно рассматривает отношения между двумя государствами в приамурском регионе, проблемы демаркации и делимитации границы, экономические связи, политические контакты и миграционные процессы, имевшие там место в указанный исторический период. Помимо конкретных вопросов двусторонних отношений автор анализирует целый ряд существующих ныне методологических подходов к исследуемой проблематике.

Вместе с тем О. А. Тимофеев попытался высказать ряд критических суждений относительно существующих на сегодня теоретико-методологических подходов к истории российско-китайских отношений, в частности, относительно концепции академика В. С. Мясникова, полагая, что «она не позволяет выявить как общие черты российской и китайской внешней политики, так и динамику последней». «Видимо не случайно — пишет он далее, — что несмотря на довольно солидный «возраст» стратега подхода (более 20 лет), его автору не удалось пока создать собственную исследовательскую школу, разрабатывающую отдельные положения концепции»²⁷.

Данное утверждение О. А. Тимофеева представляется необсужденным и некорректным. Во-первых, потому что, как было отмечено выше, методологические и теоретические разработки В. С. Мясникова, как включающие парадигму стратегической дипломатии, так и выходящие далеко за ее рамки, дают возможность объяснить очень

многое и в конкретных событиях российско-китайских отношений, и во внешней политике Китая в целом. А во-вторых, к настоящему времени насчитывается немало исследований отечественных ученых, ведущих свои научные разработки на базе сформулированной В. С. Мясниковым методологии (можно вспомнить, например, очень интересную кандидатскую диссертацию Н. Ю. Новгородской²⁸).

О. А. Тимофеев предпринял также попытку подвергнуть критическому анализу и теоретическую концепцию А. Д. Воскресенского. По мнению благовещенского историка, «основным недостатком данной концепции, наряду с чрезмерным упрощением шкалы стабильности, является отсутствие эпистемологического «мостика» между понятиями «стабильность» и «безопасность»²⁹. По сути дела, О. А. Тимофеев пытается противопоставить теории многофакторного равновесия, предложенной А. Д. Воскресенским, теорию линейно-спирального развития, сквозь призму которой, по мнению О. А. Тимофеева, «авторитетный красноярский исследователь В. Г. Дацышен в монографии “История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв.”³⁰ рассматривает отношения между двумя странами»³¹.

Придя к заключению, что «ныне существующие методологические подходы к истории российско-китайских отношений не позволяют ответить на связанный с их состоянием и развитием основной вопрос, который волнует в России как политиков, так и общественность, — почему нашей стране вот уже в течение более чем трехсот лет не удается избавиться от чувства угрозы и опасности, исходящих из Китая», О. А. Тимофеев пытается сконструировать собственное объяснение нерешенных проблем. Наиболее удачной парадигмой, которая может пролить свет на поднимаемые им вопросы, он считает концепцию дилеммы безопасности, разработанную Робертом Джервисом (профессор международных отношений Колумбийского университета)³² и Гленном Снайдерсом (профессор политологии университета Северной Каролины)³³, в основе которой лежат представления о международных отношениях как одном из наиболее архаичных типов социального взаимодействия. Помимо этого, О. А. Тимофеев формулирует мнение о необходимости изучения истории российско-китайских отношений исходя из того, что эти страны представляют собой «различные цивилизационные типы (славянско-православный и конфуцианский)». Однако данное утверждение не только не нашло в его книге необходимого теоретического завершения, но и не было подкреплено конкретным материалом.

Казалось бы, одна из глав рассматриваемого исследования, носящая название «Культурно-цивилизационные аспекты отношений: проблемы взаимного восприятия», судя по ее названию, должна иметь непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблематике социокультурного взаимодействия. Автор данной работы, отметив в упомянутом разделе, что отношения между Россией и Китаем не всегда были равными, попытался, как он считает, выявить культурно-цивилизационные факторы, влиявшие на преобладание негативных моментов в отношениях представителей двух стран. С первых же строк данного раздела О. А. Тимофеев утверждает, что «как для русской, так и для китайской цивилизации характерно пренебрежительное отношение друг к другу»³⁴. Данное обстоятельство он объясняет тем, что жители Российской империи, подобно другим европейцам, всегда относились к жителям азиатских государств как к нецивилизованным народам, а над китайцами давил груз традиционных идеологем, заставлявших их относиться к представителям других стран как к «варварам». «Кроме того, в отношении русских к азиатским народам проявлялся и синдром исторической мести — за жестокое завоевание русских княжеств монголо-татарами в XIII в.»³⁵. К этому он добавляет, что на отношения между двумя народами сильное воздействие оказывали политические события, вызывавшие у них чувства взаимной угрозы, а также взаимные подозрения в наличии экспансионистских замыслов.

Суждение О. А. Тимофеева о присущем русским «синдроме исторической мести» за завоевание Руси монголо-татарами кажется нам сомнительным даже в применении к историческому периоду, хронологически близкому времени освобождения от монгольского владычества. Как в иерархии Московского государства, так и в императорской России представители татарской знати и их потомки занимали многие важные посты, ряд именитых родов из числа московской знати вел свое происхождение от татар и представителей других восточных народов, даже гордясь этим, а у русского народа в целом чувство «исторической мести» в отношении завоевателей отсутствовало и в последующие периоды (равно как и в настоящее время).

Анализируя состояние изучения духовных, культурных, научных связей России и Китая и достигнутые за последние десятилетия результаты, безусловно, следует отдать должное блестящей работе П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения», впервые в российской и мировой синологии раскрывшего всю широту проблем, связанных с взаимодействием России и Китая, и показавшие

го, какую роль в этих процессах играло отечественное китаеведение³⁶.

Важнейшее значение в деле изучения и широкого показа духовных связей России и Китая сыграли конференции «Православие на Дальнем Востоке», проходившие с 1991 г. на Восточном факультете СПбГУ по инициативе академика РАН М. Н. Боголюбова, и опубликованные на их основе четыре фундаментальных сборника научных статей³⁷. Эти конференции и сборники дали толчок целому направлению в отечественном китаеведении, сфокусировавшему внимание на изучении деятельности и трудов Российской духовной миссии в Китае³⁸.

Особенности национальной психологии китайцев были подробно исследованы в интереснейшей монографии замечательного петербургского китаеведа Н. А. Спешнева³⁹. Автор отметил и проанализировал многие характерные черты и стереотипы поведения китайцев в обыденной и официальной жизни. Книга убеждает всех в том, что без знания указанных особенностей невозможно понять многообразные аспекты социокультурной жизни китайцев, в том числе специфику их взаимоотношений с другими народами и государствами.

Определенный вклад в изучение социокультурных особенностей развития Китая в историческом континууме внесли коллективные исследования по этнической истории китайцев. Шесть книг по этнической истории, написанные М. В. Крюковым, В. В. Малявиным, Л. С. Переломовым, М. В. Софроновым и Н. Н. Чебоксаровым, представляют собой своеобразную энциклопедию жизни китайского социума и развития его культуры на протяжении всей пятитысячелетней истории⁴⁰.

В монографии К. М. Тертицкого «Китайцы: традиционные ценности в современном мире» рассматриваются вопросы взаимосвязи этнического самосознания китайцев с системой ценностей и «функционалирование этнического самосознания при взаимодействии китайцев с иноэтнической общностью и культурой». Автор в специальной главе «Традиционные социокультурные характеристики в сознании и поведении индивида в современном Китае» пишет о том, в какой степени традиционная социокультурная составляющая влияет на поведение современных китайцев⁴¹.

Специфике социокультурных характеристик китайского социума и его представителей посвящены исследования В. В. Малявина⁴² и А. А. Маслова⁴³.

Особое место при изучении социокультурной проблематики занимают книги и статьи, написанные русскими учеными, которые роди-

лись и выросли в Китае, а затем, получив синологическое образование, стали известными отечественными китаеоведами (К. Б. Кепинг⁴⁴, Г. В. Мелихов⁴⁵, Н. А. Спешнев⁴⁶). В своих работах они не только приводят много интересных и важных конкретных фактов, но и дают возможность глубже проникнуть в суть проблем социокультурного взаимодействия, поскольку сами выступали в роли носителей и трансляторов обеих социокультурных традиций.

В последние годы появился ряд работ российских ученых, рассматривающих отдельные исторические этапы и конкретные аспекты взаимодействия русских и китайцев, что способствует постепенному формированию целостной картины истории этого процесса. В данной связи можно отметить книги А. Г. Ларина, Е. И. Нестеровой, Д. В. Ершова, Т. Н. Сорокиной по истории китайских мигрантов в России⁴⁷, в которых авторы приводят много интересных фактов и сведений о жизни и деятельности китайцев на территории нашей страны в различные периоды истории, а также рассматривают их отношения с российскими властями и населением Дальнего Востока. Особый интерес представляет опубликованная в Благовещенске монография дальневосточных и петербургских ученых, посвященная изучению так называемого «Маньчжурского клина» — района российского Приамурья, до 1900 г. плотно заселенного маньчжурами и китайцами, сохранявшими подданство Цинской империи⁴⁸.

В 2003 г. увидела свет монография владивостокского ученого А. И. Петрова «История китайцев в России. 1856–1917 гг.», в которой автор, основываясь на обширном архивном материале, предпринял попытку представить широкую картину жизни и хозяйственной деятельности китайских эмигрантов на российской земле. В книге рассмотрена динамика численности китайцев в различных регионах России, и в первую очередь на российском Дальнем Востоке, расселение их по различным областям и губерниям Российской империи, правовое положение китайцев, их взаимоотношения с местными властями. Особый раздел касается роли китайской общины в хозяйственной жизни России: занятиях сельским хозяйством, работах на золотых приисках Дальнего Востока, использовании труда китайских рабочих на строительстве Уссурийской, Амурской и других железных дорог. Отдельная глава отведена вопросам, связанным с культурой китайцев в России. В ней на основе документов российских архивов анализируются быт, жилище, пища, одежда и внешний облик китайцев в России, взаимоотношения китайцев с коренными народами российского Дальнего Востока и корейцами в России. Данная книга представляет

собой основательно фундированное исследование и является существенным шагом в деле изучения конкретной истории возникновения и существования китайской общины в России. В ней содержится большое количество исторических фактов, извлеченных из документов, найденных в различных архивах нашей страны, приводятся пространные цитаты из архивных дел, многие документы воспроизведены полностью. Можно утверждать, что выход в свет монографии А. И. Петрова не только стал важной вехой в изучении истории китайцев в России, но также способствовал расширению источниковой базы для последующего исследования данной проблематики.

Отдельная, хотя и небольшая по масштабам данной монографии, глава названа автором «Взаимовлияние русской и китайской культур». В ней на основании местных материалов рассматриваются вопросы приобщения китайцев к Православию, изучения китайцами русского языка, а также их участие в обучении россиян китайскому языку. При этом следует констатировать, что такие важные с нашей точки зрения разделы, как «Мнения россиян о характере и национальных чертах китайцев» и «Мнения китайцев о русских» представляют собой лишь подборку цитат из архивных источников и российских публикаций без какого-либо авторского анализа и комментариев. Своего рода обобщением фактов и высказываний, собранных автором в данной главе, призван служить раздел «Китайцы в России и взаимодействие русской и китайской культур». Приведя на четырех страницах несколько фактов использования отдельных элементов китайской культуры в хозяйственной жизни и быте русского населения Дальнего Востока, А. И. Петров при этом делает весьма кардинальный вывод о масштабности взаимодействия двух культур: «Несомненно в глобальном процессе взаимодействия национальных культур пересечение русской (Российской) и китайской занимает видное место. Это предопределено смежным расположением двух государств и интенсивностью взаимовлияния народов. Русско-китайское взаимодействие и взаимовлияние — это мощный поток, в котором лучшие качества и достижения двух национальностей становятся объектом гордости обеих, а колорит одной культуры становится объектом интереса представителей другой»⁴⁹. Представляется все же, что подобные широкие обобщения применительно к конкретному исследуемому периоду требуют более основательного подтверждения на основе исторических фактов.

Особое место в ряду работ, связанных с вопросами социокультурного взаимодействия России и Китая, занимают исследования по

истории формирования взаимных образов двух стран. Первой в этом ряду стоит небольшая публикация Б. Б. Вахтина «Образ Китая в русской культуре XIX века»⁵⁰. Дальнейший вклад в разработку данной проблематики применительно к XVII в. внес Е. И. Кычанов, использовавший в своем новаторском для того времени исследовании ряд очень интересных источников⁵¹.

В это же время были опубликованы работы Н. А. Самойлова по изучению взаимных образов России и Китая в XIX — начале XX вв.⁵², в которых были обозначены основные направления данных исследований и предложен целый ряд методологических подходов.

В 2007 г. вышла в свет монография А. В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках»,⁵³ ставшая продолжением серии написанных им статей⁵⁴. Автор уделил наибольшее внимание вопросам конструирования образа Китая в нашей стране в советский и постсоветский периоды, однако дореволюционный этап также занял в его работах определенное место.

В следующем году увидела свет монография академика С. Л. Тихвинского «Восприятие в Китае образа России»⁵⁵, в которой был дан подробный анализ рассматриваемых явлений на материалах XX в. (первые две главы книги при этом были отведены дореволюционному периоду).

Особое место в этом ряду исследований занимает основательно фундированное исследование О. Л. Фишман «Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.)»⁵⁶, опубликованное уже после кончины автора ее учеником И. А. Алимовым. Книга посвящена взаимовлиянию Востока и Запада, проблемам идеализации Китая миссионерами-иезуитами и формированию в Европе искаженного представления о Китае под влиянием популярных в европейских странах произведений декоративно-прикладного искусства. В то же время отдельное место О. Л. Фишман уделила рассмотрению взглядов русских просветителей на Китай.

Нужно также отметить целый ряд публикаций по отдельным аспектам и конкретным сюжетам истории экономических, культурных и научных связей России и Китая, вышедших за последние годы.

Наиболее плодотворно в данном направлении работает известный московский китаевед А. Н. Хохлов, опубликовавший большое количество статей и докладов по данной проблематике, основанных на обнаруженных им уникальных архивных материалах. А. Н. Хохлову удалось ввести в научный оборот значительное количество российских источников, благодаря которым можно составить достаточно рельефное представление о многих сторонах изучения Китая в России

в XIX — начале XX в., а также о российско-китайских торговых и отчасти культурных связях указанного периода⁵⁷. К сожалению, плодотворные исследования данного автора так и не завершились выходом какой-либо обобщающей монографии.

Краснодарская исследовательница Ю. Г. Благодер в своих статьях уделяет внимание тому, как в России происходил процесс знакомства с Китаем и осмысления китайских реалий в XIX — начале XX в., основываясь главным образом на материалах из российских провинциальных изданий (например, на материале Кубанской области).⁵⁸

Многие известные отечественные китаеведы также обращались к отдельным сторонам российско-китайского социокультурного взаимодействия: Л. С. Переломов анализировал восприятие русской культурой конфуцианского учения⁵⁹, А. Е. Лукьянов исследовал некоторые аспекты этнокультурного взаимодействия России и Китая⁶⁰, А. В. Ломанов сопоставлял религиозно-философские традиции двух стран⁶¹.

На протяжении последних десятилетий появились исследования по истории межгосударственных отношений России и Китая, в которых параллельно рассматривались и некоторые иные аспекты взаимоотношений двух стран (монографии Е. П. Беспрозванных, Е. А. Белова, Ю. М. Галеновича, Н. Е. Абловой и др.⁶²). Не так давно в Институте стран Азии и Африки МГУ была защищена кандидатская диссертация П. А. Лапина⁶³, посвященная деятельности Лифаньюаня (цинской Палаты по делам внешних территорий), в которой подробно анализируется работа «русских служб», функционировавших в системе этой палаты, а также Школы русского языка, созданной в Пекине цинскими властями.

Западные ученые не столь часто обращаются к подобной проблематике, и здесь можно отметить лишь несколько работ, касающихся рассматриваемых вопросов.

Одной из первых среди них была книга Клиффорда Фоуста «Московиты и мандарины: торговля России с Китаем и ее окружение», в основном касающаяся вопросов торговли между двумя странами в период между 1727 (год подписания Кяхтинского договора) и 1805 (время прибытия в китайский порт Гуанчжоу русских кораблей «Надежда» и «Нева») годами. В своей работе автор использовал российские исторические источники и исследования отечественных историков. К. Фоуст пришел к выводу о дружественном характере отношений России и Китая в рассматриваемый период и отметил, что

«регулярная и санкционированная договорами торговля между двумя странами предотвращала острую военную конфронтацию»⁶⁴.

Известный американский историк, профессор Стэнфордского университета Марк Мэнколл (в свое время стажировавшийся на Восточном факультете ЛГУ) в монографии «Россия и Китай. Дипломатические отношения до 1728 г.»⁶⁵ обратился к раннему периоду истории контактов России и Китая. Подчеркивая добрососедский характер отношений между двумя странами после подписания Нерчинского договора, М. Мэнколл акцентировал внимание на том, что сложившаяся в указанный период договорная система позволяла двум абсолютно разным в культурном отношении государствам (конфуцианскому Китаю и православной России) преодолевать возникавшие разногласия мирным путем и избегать серьезных конфликтов. Автор высказал мнение о том, что оба государства пошли на своеобразный компромисс: Россия согласилась на подписание невыгодного Нерчинского договора ради перспективы развития торговли и сохранения мира, а Цинская империя — на развитие торговых отношений, санкционированных договорными обязательствами, хотя подобные действия не вписывались в традиционную модель китайской внешней политики и дипломатии.

Среди работ западных авторов, занимавшихся рассматриваемой проблематикой, следует особо выделить книгу Барбары Маггс «Россия и “китайские грезы”: Китай в русской литературе XVIII века»⁶⁶, изданную в 1984 г. Фондом Вольтера. Автор на обширном источниковом материале исследует вопросы взаимодействия и взаимопроникновения культур России и Китая в XVIII в., то есть в тот самый период, когда эти контакты стали относительно регулярными и в России начал расти интерес к дальневосточному соседу. Особое внимание Б. Маггс уделила изучению того, как изображался Китай в русской биллетристике и российских научных трудах XVIII в.

Очень интересной в плане изучения проблем межкультурного взаимодействия представляется также ставшее уже классическим исследование Дональда Тредголда⁶⁷, в котором автор предпринял попытку кросс-культурного исследования, сравнивая степень и уровни проникновения западной культуры в Китай и Россию.

Другое интересное исследование, носящее компаративистский характер, было осуществлено профессором Гарвардского университета Т. Скочпол, которая предприняла попытку сопоставления социально-политического развития Франции, России и Китая и выявления причин, вызвавших величайшие революции в этих странах⁶⁸. В ее книге

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы изучения социокультурного взаимодействия.....	7
1.1. Междисциплинарность как основа современных исторических исследований.....	—
1.2. Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса.....	9
1.3. Теоретико-методологические основы изучения социокультурного взаимодействия.....	29
1.4. Формы и стадии социокультурного взаимодействия.....	50
Глава 2. Российско-китайские отношения в XVII — начале XX века: феноменология взаимодействия и идентификации.....	57
2.1. Россия и Китай в историко-пространственном континууме.....	—
2.2. Социокультурные характеристики.....	60
2.3. Россия и Китай: геокультурное пространство и геокультурные образы.....	63
2.4. Первые контакты русских с Китаем: начало процесса взаимоидентификации.....	76
2.5. Русское государство и империя Цин во второй половине XVII в.: дипломатические контакты и особенности взаимовосприятия.....	82
2.6. Россия и Китай в XVIII — первой половине XIX в.: двусторонние связи и расширение взаимных представлений.....	95
2.7. Россия и Китай во второй половине XIX — начале XX в.: политико-дипломатическое и социокультурное взаимодействие.....	104
Глава 3. Коммуникационные каналы, контактные зоны и аттракторы социокультурного взаимодействия России и Китая в XVII — начале XX века.....	117
3.1. Торгово-экономические связи как фактор социокультурного взаимодействия России и Китая.....	—
3.2. Российская духовная миссия в Пекине и ее роль в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая.....	140
3.3. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII–XIX вв.	166
3.4. Фронтир: пространство социокультурного взаимодействия.....	180
3.5. Российско-китайское взаимодействие в сфере искусства: русская версия «шинуазри».....	189

3.6. Визиты китайских дипломатов и первые китайские студенты в России во второй половине XIX в.: коммуникационный канал социокультурного взаимодействия.....	203
3.7. Иностранцы на российской службе и их роль в социокультурном взаимодействии России и Китая.....	219
Глава 4. Сферы и особенности социокультурного взаимодействия России и Китая в XIX — начале XX века	225
4.1. Становление образа Китая в России	—
4.2. Русские в Китае: проблемы социокультурной адаптации	257
4.3. Проникновение русской культуры в Китай. Образ России в Китае.....	270
4.4. Личность и реформы: социокультурное восприятие социальных перемен (государственный деятель позднечинского Китая в оценках русских авторов конца XIX — начала XX в.).....	279
Заключение	290
Примечания	295
Список использованных источников и литературы	328